

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЦЕНТРА ЧАСТНОГО ПРАВА

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-9-57>

В настоящем обзоре приводится основное содержание докладов участников X Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». Доклады посвящены актуальным проблемам российского и зарубежного права, среди которых реформа вещного права, соотношение норм ГК РФ и специальных законов, цифровизация оборота, цифровые финансовые активы, проблемы отдельных договорных типов, отдельные проблемы корпоративного, интеллектуального и семейного права.

Ключевые слова: вещное право; корпоративное право; интеллектуальное право; договор аренды; цифровые финансовые активы; приобретательная давность; искусственный интеллект.

ANNUAL SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE PRIVATE LAW CENTER

This review contains the main content of the reports of the participants of the 10th International Scientific-Practical Conference “Civil Law of Russia. Results of the Year”. Reports are devoted to topical issues of Russian and foreign law such as property law reform, correlation between the Civil Code and special acts, digitalization of turnover, cryptoassets, problems of certain types of contracts, problems of company law, intellectual property law and family law.

Keywords: property law; company law; intellectual law; lease agreement; cryptoassets; acquisitive prescription; artificial intelligence.

1 марта 2021 г. в Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ состоялась X Международная научно-практическая конференция «Гражданское право России. Итоги года», в которой приняли участие ведущие российские ученые-цивилисты – сотрудники Центра и приглашенные специалисты, а также зарубежные коллеги из Казахстана и Беларуси.

Конференцию открыл проф. **П.В. Крашенинников**, председатель Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, д.ю.н. В своем вступительном слове, посвященном некоторым итогам развития российского частного права, он прежде всего отметил, что к числу наиболее важных последних изменений ГК РФ относится дополнение п. 2 ст. 7 новым предложением, согласно которому устранение противоречий правил международных договоров РФ Конституции РФ является компетенцией КС РФ (Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 427-ФЗ). Кроме того, вступили в силу положения ГК РФ о географическом указании и наименовании места происхождения товара (правила о «региональных брендах») (Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ). С 1 января 2022 г. вступают в силу правила о правах на результат интеллектуальной деятельности, созданный при выполнении государственного или муниципального контракта (Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ) – десятый блок поправок в Кодекс. Следующие блоки поправок, подлежащие рассмотрению Государственной Думой РФ, должны составить нормы о вещных правах.

Он также сослался на опыт кодификации семейного права, которая, по его мнению, была самой удачной за всю историю нашего законодательства. Это стало возможным благодаря продуманным изменениям КоБС РСФСР 1969 г., которые вносились вплоть до принятия нового Семейного кодекса. Последние изменения в нем также получили серьезное научное и практическое осмысление. Важные факторы удачной кодификации семейного права – ратификация Конвенции ООН о правах ребенка, а также обширная и непротиворечивая судебная практика. Эту кодификацию отличает неполитизированный и стабильный текст Кодекса, над которым работали профессионалы высокого уровня, сочетавшие это работу с работой над проектом ГК РФ.

С приветственным словом к участникам конференции обратился **В.В. Чубаров**, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ и член Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, д.ю.н. Говоря о ближайших перспективах совершенствования действующего законодательства, он подчеркнул необходимость общего регулирования на уровне Гражданского кодекса вопросов дистанционного участия в собраниях, проводимых гражданско-правовыми сообществами. Вместе с тем, по его мнению, отсутствует необходимость вносить изменения в ст. 401 ГК РФ об условиях ответственности за нарушение обязательства при действии обстоятельств непреодолимой силы, поскольку ее правила в действующей редакции вполне применимы для регулирования гражданских отношений и в условиях пандемии. Важно

также уточнить статус самозанятых граждан (численность которых составляет около 25 млн человек), приравнять их к индивидуальным предпринимателям, субъектам малого предпринимательства. В.В. Чубаров отметил также недопустимость распространения антимонопольного регулирования на отношения в сфере интеллектуальной собственности.

Выступления участников конференции открылись докладом проф. **Е.А. Суханова**, заместителя председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, научного руководителя Исследовательского центра частного права и заведующего кафедрой гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, д.ю.н., посвященным **законопроекту о вещных правах**. Он, в частности, указал на неудачность формулировки подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, где говорится о единстве судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, которые пока не составляют единого объекта. Здесь правильнее было бы говорить о единстве юридической судьбы данных вещей. Главное же заключается в том, что российское гражданское право, несмотря на включение в него самых современных зарубежных институтов (корпоративный договор, *indemnity*, счет эскроу, *estoppel* и т.д.), тем не менее пока еще нельзя считать вполне рыночным, оно все еще переходное к рынку, поскольку в нем отсутствуют правила о вещных правах, сведенных к праву собственности.

Между тем центром частноправового регулирования является вещное право. Советское гражданское право именно потому не было частным, что в нем отсутствовало вещное право и недвижимость, упраздненные еще ГК 1922 г. При этом все вещные права имеют объектом только недвижимые вещи (за исключением залога, который тоже является вещным правом). Если нет недвижимости, то нет и вещных прав, так как они не нужны. Поэтому недвижимость – это центральный институт вещного права. Если существует правовой режим недвижимости, необходимыми становятся и вещные права, не сводящиеся к праву собственности. Недвижимость фактически влияет на все гражданское право. Например, после того, как категория недвижимости была восстановлена (сначала в Основах гражданского законодательства 1991 г., а потом в ГК 1994 г.), деление сделок на реальные и консенсуальные утратило всеобщий характер, поскольку сделки с недвижимостью не являются ни реальными, ни консенсуальными.

Вместе с тем восстановление недвижимости заставляет по-новому взглянуть и на некоторые другие традиционные институты. Так, виндикация недвижимости – это не истребование вещи (передача вещи из рук в руки), а прежде всего споры о записи в реестре. И приобретательная давность не имеет никакого значения, если в обороте только движимые вещи. У нас же фактически государственный реестр ведется для взимания налогов, а не для нужд оборота, поскольку он не отличается публичной достоверностью. Но государственный реестр, преследующий фискальные цели, а не защиту интересов оборота – это абсурд.

При отсутствии нормального вещного права и нормального понимания недвижимости нельзя считать гражданское право частным и рыночным. С точки зрения развития законодательства мы еще только приблизились к серьезному правовому регулированию отношений землепользования, отдав его на откуп земельному законодательству, т.е. административному (публичному) праву, работающему еще по советским лекалам. В результате у нас построено законодательное регулирование, в котором «крыша» – английская (в виде эскроу-счетов и т.п.), стены – немецкие, а фундамент – советский. Надо иметь в виду, что для юристов главный критерий развития рынка не доля государственного участия в экономике, а правовой режим недвижимости, которая является юридическим, а не экономическим понятием. И только через категорию недвижимости, которую нельзя использовать, ограничиваясь одним правом собственности, возможен выход на систему ограниченных вещных прав, при которой гражданское право становится частным.

Но земельное законодательство предусматривает странные юридические конструкции, которые только по названию (форме) напоминают частноправовые категории. Так, «публичный сервитут» – это по сути косвенное изъятие земельного участка без согласия частного собственника. Инициатором его установления является даже не региональный орган публичной власти, а компания – владелец «линейных объектов», которая не хочет выкупать земельные участки для эксплуатации своего объекта, и просит этот орган установить сервитут. При этом собственникам земельных участков предлагается обращаться в суд и спорить по этому поводу. Другой пример – предусмотренный законодательством договор о комплексном развитии территорий, который заключает потенциальный правообладатель земельного участка с органом публичной власти, утверждающим программу комплексного развития территории. Договор является возмездным, и по этому договору коммерсант договаривается с органом публичной власти об осуществлении им своих публичных функций, что создает почву для коррупциогенности.

Разработанный Советом по кодификации законопроект о вещных правах содержит надлежащее понятие недвижимости и предусматривает нормальную систему ограниченных вещных прав. Его принятие в качестве федерального закона позволит избежать существующих на практике злоупотреблений, а в теоретико-правовом отношении позволит говорить о создании у нас частного права, рассчитанного на работу в нормальных рыночных условиях.

Доклад проф. **Л.Ю. Михеевой**, члена Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, председателя совета (руководителя) Исследовательского центра частного права, осветил проблему **«Феномен специальных законов в системе гражданского законодательства: законы в обход ГК?»**. По ее мнению, эта проблема состоит в правильности выбора при решении вопроса о необходимости изменения регулирования: изменить регулирование или сохранить существующие правила в расчете на то,

что их правильное толкование даст положительный результат? Разработчики законопроектов данную проблему обычно не учитывают и на практике не всегда следуют закрепленному в п. 2 ст. 3 ГК РФ правилу о том, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК.

Первую группу таких неблагоприятных ситуаций составляет принятие федеральных законов в обход ГК с целью создания, как полагают их разработчики, наиболее благоприятных условий для свободного ведения бизнеса. К числу таких законов относятся: Закон об инвестиционных товариществах, Закон о синдицированном кредитовании, законопроект о горных товариществах. Кроме того, разработчики таких законопроектов полагают, что диспозитивных норм ГК недостаточно для успешного развития бизнеса.

Вторая группа ситуаций касается императивных норм ГК. В специальных федеральных законах императивные нормы ГК заменяются другими императивными нормами. Например, законопроект о проведении дистанционных собраний. Вместо того, чтобы поставить вопрос о правильном толковании понятия «место проведения собрания» и о содержании терминов «очное собрание» и «заочное голосование», разработчики законопроекта предлагают поместить в закон об акционерных обществах подробные инструктивные указания о порядке проведения собраний.

Третья группа ситуаций – принятие законов, по недоразумению содержащих нормы гражданского права, которые включены в законы не в связи с ГК, а имеют другой предмет регулирования и другие цели. Нормы гражданского права в таких законах находятся не на месте и в подавляющем большинстве случаев они сформулированы крайне неудачно, страдают неопределенностью, в том числе по причине терминологических нестыковок. К числу таких законов относится процедурный Закон о регистрации недвижимости, в который по непонятным причинам помещены нормы материального права (например, описание машино-места, положения о регистрации единого недвижимого комплекса, об обязательности нотариальной формы определенных сделок). Согласно этому закону (ст. 54) нотариальному удостоверению подлежат «сделки, связанные с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки». Этот набор слов не имеет объяснения с точки зрения гражданского законодательства, эта норма не помогла ни одному подопечному и опекуну, она не подлежит применению в силу своей негодности.

Следующий пример – Закон о несостоятельности (банкротстве), который в силу первоначальных редакций ст. 25 и 61 ГК РФ должен был быть процедурным (определять случаи и порядок признания лиц несостоятельными), но включает в себя нормы материального права. За годы развития законодательства о банкротстве и практики его применения сформировались не только нормы об оспаривании сделок, но и появилась «карательная банкротная цивилистика», внутри которой имеется презумпция недобросовестности должника, его кредиторов, должников должника. Закон о банкротстве – наиболее яркий при-

мер того, как федеральный закон, существование которого проистекает из ГК, за счет наличия в нем материальных и процессуальных норм превращается в автономный акт, подменяющий ГК.

Еще одну группу составляют законы, игнорирующие нормы ГК, в их числе – Закон о цифровых финансовых активах, который Совет по кодификации рассматривал неоднократно, в том числе, в связи с тем, что этим законом предложено облагать налогом операции, связанные с цифровой валютой, в то время как сама цифровая валюта ГК в качестве объекта гражданских прав не предусмотрена. Невозможно говорить о сделках с объектом, которого не существует с точки зрения гражданского законодательства.

Таких законов, игнорирующих нормы ГК, десятки. Фиксация в ГК такой формы, как крестьянское (фермерское) хозяйство, была вызвана тем, что в 1990-х гг. по Закону о крестьянском (фермерском) хозяйстве было создано некоторое количество таких юридических лиц, не укладывающихся в современное представление о хозяйственных обществах (товариществах). Ранее созданные крестьянские (фермерские) хозяйства не приводят свои учредительные документы в соответствие с новыми правилами ГК в связи с тем, что в отношении них есть специальная переходная норма, которая содержится в Законе о крестьянском (фермерском) хозяйстве, о том, что ранее созданные юридические лица могут существовать бессрочно. Такие законы иногда принимаются в связи с тем, что разработчики не могут убедить законодателя в необходимости внесения изменений в ГК (проще изменить другой закон).

Особое место занимают «ведомственные законы», которые находятся «под министерством», отвечающим за выработку государственной политики в соответствующей сфере и считающим такой закон «своим» (например, закон о рыболовстве). Все такие случаи имеют единую социально-экономическую подоплеку: появляется интерес, требующий решения в праве, но это решение обнаруживается не в универсальных нормах ГК, либо оно не совпадает с тем толкованием норм ГК, которое считается общепринятым. В каждом таком случае нужно разбираться и выяснять истинную причину инициатора законопроекта. Возможно, что решение проблемы находится за рамками гражданского законодательства.

В связи с этим целесообразно провести ревизию законов, содержащих нормы гражданского права, в ходе которой, как минимум, из процедурных законов должны быть исключены нормы материального права.

Доклад проф. **М.К. Сулейменова**, академика НАН Казахстана, директора Научно-исследовательского института частного права Каспийского Университета, д.ю.н., был посвящен теме «**Гражданское право Казахстана: итоги года**». По его мнению, можно выделить три наиболее существенных события, произошедших в гражданском праве Казахстана в 2020 г.: 1) разработка проекта Концепции правовой политики Республики Казахстан на период 2021–2030 гг.;

2) имплементация зарубежного права; 3) отражение процессов цифровизации в гражданском праве.

Проект Концепции правовой политики разрабатывается Институтом законодательства Республики Казахстан, а его раздел, посвященный гражданскому законодательству, был разработан совместно с НИИ частного права Каспийского университета. Кроме того, НИИ частного права подготовил предложения об основных направлениях развития гражданского законодательства Республики Казахстан. В этой части можно выделить два основных направления: во-первых, предложение ликвидировать категорию «государственные предприятия». Это предложение было поддержано, государственные предприятия в течение 2-3 лет должны быть либо ликвидированы, либо преобразованы в хозяйственные товарищества или учреждения. Во-вторых, подготовлена концепция юридического лица публичного права, которая заключается в обосновании лишения всех государственных органов, которые сейчас выступают в качестве государственных учреждений, прав юридического лица и создании специальных организаций, которые должны заниматься вопросами гражданского оборота для госорганов.

В Республике Казахстан господствующей стала концепция специальных договорных конструкций. В ГК РК закреплены положения о публичном договоре, договоре присоединения, предварительном договоре, договоре в пользу третьего лица. В ходе реформы гражданского законодательства в России появились новые специальные договорные конструкции: рамочный договор, опцион на заключение договора, опционный договор, абонентский договор. Проблема заключается в определении места этих специальных договорных конструкций в системе договоров. Классическая, традиционная классификация договоров производится по предмету договора: передача имущества, выполнение работ, оказание услуг, осуществление совместной деятельности. Но при этом ряд договоров оказывается вне классификации, хотя они занимают важное место в системе общественных отношений.

Прежде всего это специальные договорные конструкции, которые закреплены в общей части обязательственного права. Однако нет общей классификации, которая могла бы определить место специальных договорных конструкций в системе договоров. По мнению исследователей этой проблемы, смысл договорных конструкций состоит в том, что они находятся вне деления договоров на род-вид или тип-род. Поэтому указанные договоры являются именно договорными конструкциями, а не договорами. В то же время эти договорные конструкции являются договорами с точки зрения порядка их заключения (оферта, акцепт), возможности наступления гражданско-правовой ответственности за нарушение их условий. Понятие юридической конструкции, в том числе договорной конструкции, может применяться только в научных целях, но не в системе права. Даже если признать наличие юридических конструкций в системе права, невозможно найти им место. Право по своей структуре состоит из четырех элементов: право в целом, отрасль права, институт права и норма права. Поэтому

любое правовое образование должно быть нормой права или институтом права. В данном случае исследуемые договорные конструкции выступают в качестве институтов права.

Таким образом, образовалось противоречие, выход из которого – в изменении теории классификации договоров. Существующие классификации строятся по видам деятельности: передача имущества, выполнение работ, оказание услуг, осуществление совместной деятельности. Это основные договоры. Все, что не вписывается в эту классификацию, является вспомогательными договорами или квази-договорами, или вообще не договорами, а договорными конструкциями. Договоры, которые объединяются в специальные договорные конструкции, могут быть названы общими договорами, поскольку они находятся в общей части ГК. В составе общих договоров могут быть выделены две группы: 1) договоры, предваряющие заключение основных договоров (предварительный договор, рамочный договор, опцион на заключение договора), – организационно-предварительные договоры; 2) основные договоры, осложненные дополнительным обременением (публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, абонентский договор, опционный договор), – договоры с дополнительным обременением. Иначе говоря, специальные договорные конструкции – это виды договоров, только расположенные в иной плоскости, чем основные договоры.

Вторая проблема – имплементация зарубежного права. В Казахстане создан Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), где не действуют казахские законы, а действует английское право и акты МФЦА, вся деятельность осуществляется на английском языке, для разрешения споров привлекаются английские судьи. Это положение противоречит суверенитету Казахстана и здравому смыслу. Наряду с этим предпринимаются попытки включить в казахское законодательство английское право. В противовес таким масштабным изменениям предлагается внести точечные изменения, но при этом оставить без изменений вещное право, договорное право и представительство. Минюст Казахстана разработал Концепцию совершенствования гражданского законодательства на основе имплементации английского права путем внесения точечных изменений. Разработан законопроект о внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского законодательства и улучшения условий предпринимательской деятельности на основе имплементации принципов и положений английского и европейского права. Основу законопроекта составляют принципы и положения европейского права, в том числе о преддоговорной и договорной ответственности, изменении договора. Из английского права заимствованы эстопель, заверения об обстоятельствах и др.

Третья проблема – отражение процессов цифровизации в гражданском праве. 25 июня 2020 г. принят Закон Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий. Этим Законом в ГК РК закре-

плено понятие «цифровые активы». Под ними понимается имущество, созданное в электронно-цифровой форме, с применением криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся финансовым инструментом, базовым активом которого являются ценные бумаги, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав.

Однако внесение таких изменений в ГК РК оказалось не очень удачным. Прежде всего это касается понятия цифровых прав. На самом деле, цифровое право – это не самостоятельное имущественное право наряду с обязательственными или иными имущественными правами, а лишь способ закрепления или форма имущественных прав. Остается неясным соотношение цифровых активов с закрепленными в ГК РК (ст. 115) имущественными правами. Надо учитывать, что технологические определения, содержащиеся в отраслевых законах, которые будут меняться с развитием цифровых технологий, не следует включать в ГК, т.к. они являются юридически бесполезными, поскольку ничего не регулируют. Цифровые технологии постоянно меняются. Попытка их урегулировать может нанести вред развитию прогресса, что повлечет отставание Казахстана от других стран. Можно отражать эти процессы в отраслевых законах, но в ГК нужно включать только положения, которые проверены временем, являются юридически грамотными и соответствуют реалиям современности.

В докладе проф. **А.А. Новоселовой**, члена Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, заведующей кафедрой финансовых сделок и новых технологий Исследовательского центра частного права, председателя Суда по интеллектуальным правам, д.ю.н., освещалась тема **«Цифровизация оборота и позиция законодателя: куда мы идем?»**. Она отметила, что на сегодняшний день существует большое количество законодательных актов, в которых затрагиваются вопросы, связанные с цифровизацией: ГК РФ (ст. 141.1), Закон о цифровых финансовых активах (Закон о ЦФА), который вступил в силу с 1 января 2021 г., Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ; внесены точечные изменения в ряд других законодательных актов.

Включение понятия «цифровые права» в ГК было вызвано противоречиями в подходах при подготовке двух законодательных актов: о цифровых финансовых активах (ЦФА) и о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Законопроекты разрабатывались одновременно, но в них были отражены различные подходы к определению цифровых финансовых прав. Включая это понятие, ГК должен был снять противоречие в вопросе о предмете регулирования и введения в оборот цифровых прав, но в этой части его нормы подвергаются критике. Термин «цифровые права» в ГК действительно использован немного некорректно, поскольку особого права он не создает. Этот термин призван обозначить определенный объект, который обладает существенной особенностью – такой объект создается в информационной системе, он включа-

ет в себя информацию об иных объектах гражданских прав, и оборот этого объекта происходит только в информационной системе. Информационная система позволяет производить транзакции непосредственно между участниками без обращения к кому бы то ни было, в отличие от привычной системы, где все перемещения активов проводятся через лицо, которое ведет учет этих активов. Это принципиальный момент, который потребовал обозначения этого объекта как особой категории объектов.

Поскольку эта система является новой, требуется разработка специальных правил. Анализ законодательных актов, принятых с учетом позиций, закрепленных в ГК, показывает, что Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ не противоречит ГК. Система, которая описывается в Законе о ЦФА, является иной: предусмотрены субъект, который учитывает такие активы, и субъект, который проводит транзакции по поводу этих активов. Очевидно, что те объекты, которые определены в законе о ЦФА, не подпадают под определение, которое дано в ГК. Налицо ситуация принятия закона в обход ГК, выводящая за рамки ситуаций, предусмотренных ГК.

Наиболее проблемным является вопрос о цифровой валюте, которая ранее фигурировала в законопроекте о внесении изменений в ГК в качестве цифровых денег. Понятие «цифровой валюты» нельзя признать удачным с точки зрения юридической техники. Тем не менее само появление этого понятия в законодательстве и попытка урегулировать отношения по поводу такого рода объектов свидетельствует о том, что такой объект существует. Понятие «цифровая валюта» введено с одной целью – установить, что оборот такой валюты ограничен. Закон устанавливает запрет на принятие таких активов в оплату товаров, работ и услуг. При этом остается значительное число случаев, когда возможно перемещение активов иными способами (уплата алиментов, возмещение вреда, возмещение убытков, передача в порядке наследования, дарение и пр.). Требования, связанные с обладанием цифровой валютой, могут защищаться только при наличии информации о сделках об обладании этой валютой. Непонятно, однако, какого рода требования имеются в виду: о восстановлении прав на эту валюту? Если речь идет о сделках, когда, например, такая валюта используется в качестве предмета сделки, то из нормы закона не следует, что такого рода требования не будут защищаться в суде.

Определение, которое дано в Законе о ЦФА, начинает автоматически использоваться в других законах: Закон о банкротстве, Закон об исполнительном производстве, законопроект о внесении изменений в Налоговый кодекс включают формулировку: «цифровая валюта для целей настоящего закона признается имуществом». Этот объект неудачно определен в законе, и нет ясности, как он участвует в обороте, но при этом допускается его изъятие в рамках исполнительного производства, включение в банкротную массу, обложение налогом, сделки с ним. При этом НК не делает различий между законными и незаконными операциями с цифровой валютой. Таким образом, определение, включенное в Закон